

Народные песни в „Капитанской дочке“ Пушкина.

А. Орлов (Москва).

„Народность“ писателя — термин, издавна у нас привычный, но по существу неясный и сложный. В своей заметке 1825 года „о народности в литературе“ Пушкин писал: „с некоторого времени у нас вошло в обыкновение говорить о народности, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность“ (изд. О-ва для пособ. литераторам и ученым, 1887, т. V, стр. 31). К сожалению, сам Пушкин не формулировал исчерпывающе своего определения народности. И с тех пор каждый, кто только ни определял этим термином существенную сторону пушкинского творчества, вкладывал сюда особое, свое содержание. Разность заполнения данного термина обусловлена, прежде всего, его неопределенностью, которая позволяла представителям разных эпох и слоев общественности связывать с ним соответственное этому представительству содержание. Неопределенность термина имела также следствием слабость разложения того или другого его содержания.

С своей стороны попытаюсь остановиться на некоторых частях или чертах содержания этого термина, которые со стилистической точки зрения могут иметь место среди других черт, какими характеризовалась „народность“ Пушкина.

Одним из свойств пушкинского творчества было усвоение особенностей, характерно выражающих бытие отдельных национальностей; иначе сказать, Пушкин любил своим подбором таких особенностей определять облик, который считал „стильным“ для той или другой национальности, в разных периодах ее жизни, в разных видах социального проявления и литературного выражения. В искании стильного Пушкин естественно должен был останавливаться на самом характерном, на том, что разительно отличает одну национальность от другой, один социальный ее слой от другого. Не чуждаясь отыскивать и изображать отдельные версии обще-европейского, „цивилизованного“ стиля, Пушкин имел склонность к усвоению и изображению таких явлений, которые были бы вне обще-европейской нивелировки, которые национально изменяли бы эту нивелировку или не подвергались ей. В отношении к русской почве Пушкин искал нивелированных ее особенностей в их живом существо-

вании, например, в живой речи, при чем преимущественное его внимание влекло к себе русское простонародье, как социальный слой, наиболее отличающийся своим выражением от универсального европеизма. В 1828 году Пушкин писал: „В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию“ (цитирую по Томашевскому, „А. Пушкин“, 1924, стр. XI). К „странному просторечию“ Пушкина влекло с юных лет; уже в 1814—15 г. не без поэтической корысти любил он слушать вести „добренькой старушки“ о том, как—

„Фома свою хозяйку
Не а́ что наказал,
Антошка балалайку,
Играл, разломал“..

(Городок)

И в этом отношении Пушкин являлся представителем своего круга, который еще в XVIII веке допускал в свой церемонный обиход простонародную стихию.

В своих „Критических заметках“ Пушкин иронизировал над теми журналистами, которые, претендуя на тон „высшего общества“ и стараясь поделаться под „светскость“, „поминутно находят одно выражение бурлацким, другое мужицким, третье неприличным для дамских ушей и т. п.“ (V т., стр. 116, ср. стр. 133). „Но не смешно ли им судить о том, что принято или не принято в свете...? Почему им знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще более выказывают мелкое общество, чем простонародность (*vulgarité*), и что оно-то именно обличает свет? Почему им знать, что откровенные оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха, между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы общую невольную улыбку“ (т. V, стр. 125).

Принадлежностью к состоятельному помещицкому кругу, обработанному столичной культурой с XVIII еще века и с тех пор увлеченному литературным творчеством, могут быть объясняемы у Пушкина как его влечение к изобразительным чертам русского простонародья, так и характер литературного пользования этими чертами. Поэтически воспроизводя многогранную цельность простонародья, Пушкин сосредоточивал внимание на тех его особенностях, которые обладают оригинальной эстетической выразительностью. В языке этой среды Пушкину нравились „удивительная чистота и правильность“, в поговорках находил он „роскошь“, „смысл“, „толк“, сказки называл „прелестью“, „повмой“. Какого бы слагаемого простонародности Пушкин ни касался—идеологии, психологии, уклада, традиции, языка, поэзии,—он всегда выступал как „мастер красоты“, по терминологии Л. Н. Толстого¹⁾, как творец

¹⁾ „Но какой мастер красоты ваш Пушкин!“—с ударением и расстановкой произнес он слова „мастер красоты“. Слова Л. Н. Толстого, записанные С. А. Стахович „Толстовский Музей Толстой и о Толстом Новые материалы“ 1924, стр. 63

художественного образа, создаваемого „прекрасным“ даже в своих диссонансах. Эстетически прекрасный образ—вот предел достижений Пушкина. Утилитарное же устремление поэта, по-моему, определяется здесь его желанием влить свежесть и жизненность непосредственной среды, ее поэтического выражения, в ветшающий уклад книжно европеизованного общества. Того общества, про которое пелось еще в XVIII в.:

„По русскому не умею, а все по-немецки,

Для того-то по-немецки, что люди шляхетски“ (Чулк. и Новик. песенники I, № 113).

Характерные черты русского простонародья Пушкин изображал и в некоторой зависимости от представлений XVIII в. и вполне самостоятельно, то европеизованными приемами, то перенятыми до неузнаваемости у народного подлинника. Пристальное изучение Пушкиным народной поэзии, в особенности русской, дало В. Ф. Миллеру право чувствовать столетнюю годовщину поэта чтением, озаглавленным: „Пушкин, как поэт-этнограф“. Эта прекрасная статья несвободна однако от некоторого увлечения—именно при установке путей, какими шел Пушкин к подлинникам народного творчества.

„Я имею задачей, пишет Миллер, оценить значение Пушкина, как поэта любителя и знатока духовного творчества русского простонародья, ценителя родного языка, собирателя народных песен и сказок, и уяснить его заслуги перед русской этнографией“ (Этногр. Обзорение, 1899, № 1—2, М. 1899 г., стр. 133).

Итак, в числе заслуг Пушкина Миллер отдельно отмечает собрание народных песен и сказок, и далее особенно останавливается на личных записях поэта непосредственно из народных уст. Вместе с тем Миллер мимоходом отмечает у Пушкина и пользование уже печатными воспроизведениями русской устной словесности. „По его (т.е. Пушкина) желанию младший Раевский посылает ему (в Бессарабию) с В. П. Горчаковым несколько книжек русских сказок (вероятно, сборник Чулкова)“—предполагает Миллер (154).

Перечислив народные песни, „записанные повтом лично“, В. Ф. Миллер говорит: „но нет сомнения, что, благодаря любви к народному песнопению, счастливой памяти, Пушкин знал множество и других народных песен наизусть, выучив их либо из тогдашних сборников (Чулкова, Новикова, Прача и др.), либо переняв от народа, так что в свое время был действительно одним из лучших знатоков русской народной поэзии“ (161).

Известно, затем, что Пушкин пользовался и печатным сборником Кириши Данилова, который, по свидетельству Вяземского, был в библиотеке поэта в 1831 г. (Миллер, 169—170).

Миллеру предстояло бы точно отличить народно-поэтический материал, непосредственно заимствованный Пушкиным из уст, от заимствованного из печатных изданий, не преувеличивая этнографической самостоятельности поэта и не давая тем оснований для ложных представле-

ний. По отношению к народным пословицам, обильно использованным у Пушкина (Миллер, стр. 148, 149, 150, 151, 161), установление устного или печатного их источника всего труднее. Пушкин был большой любитель их афористической формы и насыщенного лаконизма. Он пересыпал ими не только свои художественные или критические произведения, но и письма к близким. Даже Александра I заставил сказать: „Наше царское правило: „дело не делай, а от дела не бегай“ (воображаемый разговор Пушкина с Александром I, 1825 г.). Отличая особенно народную поговорку, он находил ей параллели и в западной литературе. Так, на черновике французского письма к Чаадаеву (с датой окончания „Капитанской дочки“—1836 г. 19 окт I) Пушкин записал: „Ворон ворону глаза ~~не~~ выклюет—шотландская поговорка, приведенная В. Ск. в Woodstock“. Здесь можно бы было высказать дополнительно еще предположение, что некоторые поговорки и поговорки изменены или даже по народной форме сочинены Пушкиным, напр., в Борисе Годунове (Варлаам: „Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли; всё нам равно, было бы вино...да вот и оно!..“). Трудно установить и источник сказок, так как придется судить на основании голого сюжета или пересказа ¹⁾. По отношению же к песням источник установим легче, особенно в тех случаях, когда они цитируются Пушкиным текстуально точно.

В настоящей работе мы ограничимся песнями, использованными Пушкиным в „Капитанской дочке“, так как именно их источник В. Ф. Миллер стремился установить всего определеннее. Справедливо указывая, что поэт „у себя в деревне лично наблюдал всю обрядовую сторону крестьянской свадьбы и записал песни в связи с моментами обрядности“, что он был увлечен „следами старинного быта в свадебных песнях“, их „драматизмом и нередко глубоким чувством“, Миллер говорит: „Напомним, как он удачно пользуется ими, например, в „Русалке“ и в эпиграфах к некоторым главам „Капитанской дочки“ (глава XII. Сирота, Глава V. Любовь). (Миллер, 159 стр.). Далее Миллер еще увереннее относит к „народным песням, записанным поэтом лично“, „отрывки из песен, которые встречаются, как эпиграфы над некоторыми главами „Капитанской дочки“ (161 стр.). Здесь нельзя согласиться ни с отнесением двух эпиграфов V главы „Капитанской дочки“ к роду „свадебных“ песен, ни с огульным определением ее эпиграфов непосредственной записью Пушкина из народных уст тем более, что вслед за приведенной цитатой Миллер приписывает Пушкину также знание песен наизусть „из тогдашних сборников (Чулкова, Новикова, Прача и др.)“.

Итак, мы склоняемся к тому, чтобы поискать источник песенных цитаций „Капитанской дочки“ в печатной литературе. Здесь руководит нами то наблюдение, что Пушкин-литератор умел экономить свои силы. Если можно ему было прямо натолкнуться на найденный уже материал,

¹⁾ Пушкин, кажется, сам лишь однажды приводит текстуальную цитату из сказки, обнаруживающую свое происхождение из печатного лубка. „И вышел он за ворота градские и услышал конский топ и людскую мольву“ (Бова Королевич) V, 128.

он не тратил себя на искание. Если можно было прочесть обработанное, он избегал обращаться к сырому материалу. Когда, например, он писал „Бориса Годунова“, то, между прочим, пользовался примечаниями к „Истории Государства Российского“ Карамзина, причем некоторые средневековые памятники использовал для драмы только в объеме цитаций этих примечаний Карамзина, а не в объеме самих подлинников, к которым непосредственно и не обращался. Это, например, явствует из Пушкинского пересказа „Чаши Государевой“, возглашенной мальчиком на пиру у Шуйского („Царю небес, веаде и присно сущий“ и т. д.).

В указании печатных источников для песен „Капитанской дочки“ мы не обещаем исчерпывающей точности, так как, по неимению в Москве всех последовательных изданий подходящего ассортимента подлинных песенников, нам приходится пока ограничиться первопечатными подлинными сборниками Новикова и Прача, а также точной перепечаткой трех первых частей собрания Чулкова в Академическом издании, под редакцией П. К. Симони. Четвертая часть Чулкова нам собственно тоже известна, по перепечатке, которая имеется в четвертой же части сборника Новикова. Приведем небольшую библиографическую справку.

Чулковский песенник имел не одно издание. В первом издании он назывался „Собрание разных песен“, состоял из 4 частей, напечатанных в Санктпетербурге; I и II части вышли в 1770 г., часть III с Прибавлением—в 1773 г., часть IV—в 1774 г.; второе издание выпущено в Петербурге в 1776 году, а третье напечатано, в четырех же частях, в Москве, 1783—1788 г. В дополненном виде это собрание Чулкова вышло в Москве в Университетской типографии, у Н. Новикова („Новое и полное собрание российских песен“..., 1780—1781 г.). Первые четыре части этого Новиковского песенника, вышедшие в 1780 г., совершенно точно повторяют соответственные части песенника Чулкова, варьируя изредка лишь правописание. Сверх того, у Новикова внесена одна песня, ошибочно пропущенная Чулковым, и не повторено Прибавление к III части песенника Чулкова. Номера песен у Чулкова и Новикова одни и те же. Как сказано выше, Новиковское издание дополняет Чулкова. Дополнение это представлено V и VI частями Новикова (1781 г.), которыми мы не пользовались, так как они состоят только из песен сочиненных.

Итак, повторяем, мы пользовались первыми изданиями песен: Чулкова в перепечатке П. К. Симони (Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. Изд. отд. рус. яз. и слов. Академии Наук. Том I. Собрание разных песен. Части I, II и III с Прибавлением. 1770—1773 гг. С.-Петербург, 1913 г.), Новикова (чч. I—IV, М. 1780 г.) и Прача (Иван Прач. Собрание народных русских песен. 2 части. С.-Петербург, 1790 г.).

Этот ограниченный печатный материал по существу оказался почти вполне достаточным для нашей цели, что мы имели возможность установить при помощи перепечаток целых текстов и вариантов из других многочисленных песенников, пользуясь семью томами „Великорусских

народных песен“, изданных академиком А. И. Соболевским, и I выпуском „Песен, собранных П. В. Киреевским“, новая серия, под ред. В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского (М. 1911 г.). Конечно, помощь и этих научных изданий лишь относительна. По ним, например, нельзя во всех случаях установить орфографические черты подлинников, что не лишено значения для точной установки цитаций Пушкина. Затем, А. И. Соболевский совсем не ввел в свой подбор песенник Чулкова в первом издании, а Миллер и Сперанский не всегда имели возможность поверить и дополнить цитации Киреевского по подлинникам. Так, им не удалось видеть книгу „Святки и пр.“, М., 1831 г., откуда Киреевский выбрал пять песен из 16 подблюдных и 14 свадебных (стр. 249). Состав же этой редкой книги для нас весьма был бы интересен; в ней, например, есть песня (Кир. № 895), которая по теме соответствует Пушкинской „Девиды, красавицы“ (Евг. Онегин, гл. III, в строфе XXXIX „Песня девушек“). Правда, песня есть и в Глазуновском песеннике, но без конца.

Во всяком случае, полагаем, что при определении печатных цитаций Пушкина следует идти не от библиографических указаний, а от самих песенников, именно от песенных подборов XVIII века, с которым Пушкин так тесно связан. Эти подборы сделаны не этнографически, а эстетически; на них, между прочим, основана эстетика „народности“ наших многих поэтов, в том числе и Пушкина. В первой половине XIX в., да и позднее, песенные подборы XVIII века дополнялись и вариировались несущественно, эстетическая основа их оставалась нетронутой. Это видно из того, что песенные цитации или переработки наших писателей XIX в. почти целиком укладываются в репертуаре песенников XVIII в. (А. К. Толстой, В. Марков, А. Н. Островский, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Мережковский и др.). Песенный подбор, замечательно отсортированный Чулковым и его последователями, через печатные издания отразился в свою очередь и на устном репертуаре народа. Именно этот Чулковский подбор, а не хаотическое собрание „Кирши Данилова“, оказал влияние на Пушкина в частности, хотя наш поэт и пользовался Чулковским подбором из вторых уже рук.

Начав искание источников Пушкинских цитаций с печатных песенников, мы точнее можем определить, что Пушкин брал не из печати. Так, у Чулкова, Новикова, Прача и др. мы не нашли свадебной песни для невесты-сироты, песни, известной во многих вариантах по записям из уст. Три вида этой сиротской песни записаны самим Пушкиным; для нас важен самый краткий из них:

„Много, много у сырã дубã
Много ветвей и пãветвей,
Только нету у сырã дубã
Золотые верхнички:
Много, много у княгини души
Много роду, много племени,

Только нету у княгини души,
Нету ее родной матушки:
Благословить есть кому,
Сварядить некому“.

(Кир. № 167).

Эта песня напоминает эпиграф к XII главе „Капитанской дочки“
(Сирота):

„Как у нашей у яблоньки,
Ни верхушки нет ни отросточек:
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Сварядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому.

Свадебная песня“

Судя по Киреевскому, ни Пушкинской записи с „дубом“, ни эпиграфа с „яблонью“ не встречается среди вариантов печатных сборников песен. Но ведь Киреевским пересмотрены не все песенники. Мы однако думаем, что эпиграф к XII главе прямо сочинен Пушкиным как на основании своей записи с „дубом“, так и не без влияния особой, ему известной песни с „яблонью“. Подобие последней записано для Киреевского в Черномском уезде Тульской губернии:

„Яблонька кудрявая,
Все ли у тебя весточки?
Все ли у тебя сроднички,
Свет Дарьюшка?
Все у меня сроднички,
А нет ни батюшки, ни матушки“...
(Далее—пусть ветры разнесут землю,
пусть отец и мать встанут и благословят).

(Кир. № 403).

Нам кажется, что Пушкинский эпиграф противоречит правде народной свадебной символики и уклада. Невеста („княгинюшка“ у Пушкина) не могла быть сравнена с дичающей яблонью; если невеста и сирота, все равно она—яблонь „садовая“—„садовая, медовая, наливчатая“. Если у яблони „отросточки“ (т.е. побеги от комля), она дичает, за этим надо следить:

„Яблонька моя, яблонька..
Что сама я стану тебя поливать,
Сама корешок обчищать“.

(Веселая Эрата, 1801 г., Кир. № 257) ¹⁾.

¹⁾ Иное дело дуб:

„У сыра дуба у скрыпучего
Нет ни корня ни отросточка,
От моего мила друга
Нет ни весточки, ни грамотки“...

(Чулков, Новиков, III, № 102).

Есть, правда, одна песня, где у яблони—„отросточки“, но здесь разумеется уже не невеста-сирота, а женщина с детьми:

„Сладка яблоня в саду молода жена,
Отросточки у яблонки малы детушки“.

(Чулков, Новиков, III, № 56).

Надо иметь в виду, что сравнения этой песни вообще не реальны: батюшка-кедр, матушка-кипарис и т. д. А затем, даже если и признать возможность в народе сравнения невесты-сироты с яблонью, лишенной по несчастью отросточков, то во всяком случае отросточками можно назвать именно младших членов семьи, а никак не отца или мать, как в эпиграфе Пушкина. Род. мн. „отросточек“—не по-народному. Далее, ни в одном из вариантов Киреевского, не исключая и записанных Пушкиным, не сказано, что и „снарядить“ и „благословить“ невесту-сироту „некому“, везде—или снарядить или благословить „есть кому“. Здесь можно заподозрить у Пушкина подгонку к фабуле своей повести. Итак, мы полагаем, что в основе эпиграфа к XII главе „Капитанской дочки“ лежит свадебная песня с символом „сырого дуба“, именно краткий вариант, записанный Пушкиным. Он больше других совпадает с эпиграфом и по размеру, и по названию невесты „княгиню“. Народное сравнение невесты с дубом для Пушкина было неприемлемо, и он заменил его сравнением с яблонькой, заимствованным из другой песни; под влиянием другой же песни ввел „отросточки“, в форме, грамматически, кажется, ненародной. Наконец, Пушкин усилил и сиротство невесты, подогнав это к фабуле повести.

Теперь попытаемся доказать, что в дальнейшем Пушкин пользовался не Чулковским песенником, а Новиковским.

В IV главе „Капитанской дочки“ приведена песенка, сочиненная Гриневым, которая, по словам Швабрина, очень напоминала ему любовные куплеты Василья Кирилыча Тредьяковского. Первый стих ее таков:

„Мысль любовну истребляя“...

В оглавлении I части песенника Чулкова, где в азбучном порядке приведены начальные строки вошедших сюда текстов, мы читаем под буквою „М“, на третьем месте, под № 34 ту же начальную строчку:

„Мысль любовну истребляя“.

В самом же собрании под № 34, вместо стихов с этим началом, читается:

„Полно взор ко мне метать,
Дорогая, боле;
Полно им меня прельщать
Я и так в неволе“ и т. д.

Ничего похожего на песенку Гринева. Те же куплеты с началом „Полно взор ко мне метать“ отмечены в оглавлении к I части под буквою „П“ на 6-м месте под № 58, и в самом собрании действительно читаются (вторично) под этим номером.

Итак, текста стихов с началом „Мысль любовну истребляя“ во всех трех частях песенника Чулкова мы не встретили, а нашли в песеннике Новикова, текст которого и приводим параллельно с Пушкинской переделкой:

Песенник Новикова 1780 г., ч. I, № 34 (стр. 41):

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И, от воров убегая,
Тщуся вольность получить.

Но глава, что мя пленили,
Всемигнута предо мной.
Те глаза, что дух смутили,
И разрушили покой.

*

Зря тебя, всегда страдаю
Без тебя веде грущу.
И тебя я убегаю
И тебя веде нищу.

Ах! на толь тебя увидел,
И на толь тебя спознал,
Чтобы жизнь возненавидел,
И собою владеть престал.

*

Весь мой нрав переменялся
С горестной минуты той,
С той, в котору я влюблялся
И пленен твоей красой.

В ту минуту миновался
Уже мой спокойный век,
Как мой взор с твоим встречался,
В ту минуту он утек

*

Ты ж, узнав, что я пленен тобой,
Зря меня в жестокой части,
Сжался, сжался надо мной.

Не жалея, вспламенила,
Ты во мне, драгал, кровь,
Против воли заравила
И меня моя любовь.

Пушкин выпустил вторую и третью строфы и наполовину сократил четвертую:

Гл. IV Капитанской дочки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть.
И ах, Машу избегая,
Мышля вольность получить!
Но глава, что мя пленили,
Всемигнута предо мной;
Они дух во мне смутили,

Сокрушила мой покой.
Ты, узнав мой напасти,
Сжался, Маша, надо мной;
Зря меня в сей лютой части,
И что я пленен тобой.

Нет сомнения, что Пушкин пользовался и песенником Прача (1790 г.). Правда, у Прача есть совпадения в нескольких песнях, которыми пользовался Пушкин, с песенниками Чулкова и Новикова. Например—первый эпиграф к гл. V „Капитанской дочки“ „Ах ты, девка, девка красная“ находит себе точное соответствие у Новикова и Чулкова, ч. I, № 176, и у Прача № 15, отдел песен протяжных, стр. 29. В „Борисе Годунове“ („Кормя на литовской границе“) Варлаам затягивает песню: „Как во городе было во Казани“, продолжая ее после переговоров с Григорием и Мисаилом: „Молодой чернец постригся“. Это начало песни, напечатанной у Прача под № 8 песен хоровых (стр. 175) и у Новикова, ч. IV, № 149:

Прач: „Что во городе было во Казане,
Здунинай, най, най, во Казане,
Молодой чернец постригся“...

Новиков: „Как во городе было во Казане,
Здунинай, най, най по Казане,
Молодой чернец постригся“... 1)

Здесь даже видно, что Пушкин пользовался Новиковым, а не Прачем. Но вот, только на пользование Прачем указывает „любимая“ песенка Швабрина (IV гл. „Капитанской дочки“—„Поединок“):

„Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь“

Совершенно такими словами начинается песня Прача, напечатанная под № 10 отдела песен плясовых, стр. 85. Кроме Прача, этого начала песни нигде нет, как это видно по „Великорусским народным песням“ академика Соболевского, т. IV, стр. 502, № 645.

Приведем „народные“ эпиграфы из „Капитанской дочки“ (по „Современнику“ 1836 г. № 4):

1) Под заглавием, ко всей повести (а не к I главе только):

„Береги честь с молоду. Пословица“.

Полностью пословица приведена в I главе, в прощальном напутствии отца: „помни пословицу: „береги платье снову, а честь смолоду“.

2) К главе II (Вожатый):

„Сторона-ль моя, сторонюшка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,

1) Кстати сказать, в опере Мусорского „Борис Годунов“ к первой строке этой песни подставлена песня о ваянии Казани Иваном Грозным

Что не добрый ли да меня конь завез
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая

Старинная песня“.

3) К главе V (Любовь):

„Ах ты девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спроси, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду племени,
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.“

Песня народная“.

4) К главе V же.

„Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
Если хуже меня найдешь, вспомняешь.“

То же“

5) К главе VI (Пугачевщина):

„Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывать“

Песня“

6) К главе VII (Приступ):

„Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И не рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладницу кленовую,
Еще петельку шелковую.“

Народная песня“.

7) К главе VIII (Незванный гость):

„Незванный гость хуже Татарина.“

Пословица“.

8) К главе XII (Сирота):

„Как у нашей у яблонки“ и т. д., см. выше

9) К главе XIV (Суд):

„Мирская молва —
Морская волна.“

Пословица“.

10) К тому же прибавим и песню из главы VIII (Незванный гость):

„Ну, братцы, — сказал Пугачев, — затынем ка на сон грядущий мою любимую песенку Чумаков! начинай!“

Сосед мой ватянуа тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думу думати.
Что за утра мне доброму молодцу в допрос идти
Перед грозного судью, самого Царя.
Еще станет Государь-Царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Ужь как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа православный Царь,
Все правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищ темная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвертой мой товарищ, то тугой лук,
Что рассылщники мои, то калены стрелы.
Что возговорит надежа православный Царь:
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую.
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ля столбами с перекладиной".

Эпиграф к главе II: „Сторона ль моя, сторонушка“ и т. д. взят из песни, напечатанной Новиковым и Чулковым в трех вариантах: ч. I № 148, ч. III №№ 68 и 167. Пушкин воспользовался вариантом № 68, именно семью первыми его стихами:

Ч III, № 68: „Сторона ль ты моя сторонушка,
Сторона ль моя, не знакомая,
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не доброй ли да меня конь завез:
Завезла меня доброва молодца
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая“.

Пушкин только изменил: в 1 ст. „Сторона ль“ вместо „Сторона ль ты“; во 2 ст. „Сторона“ вместо „Сторона ль моя“.

Два других варианта не тронуты Пушкиным (крупные различия—разрядкою):

Ч. I, № 148: „Сторона-ль ты моя сторонушка
Сторона ль моя незнакомая,
Что не сам та я на тебя зашел,
Что не доброй меня конь завез,
Занесла меня кручинушка,
Что кручинушка великая,
Служба грозная Государева.
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая“.

Ч. III, № 167: „Сторона-ль ты моя сторонуща,
Сторона моя не знакомая,
Что не сам я на тебя зашел,
Что не доброй меня конь завел,
Ни буйны ветры завяляли,
Ни бьстры реки заделеляли,
Занесла меня доброго молодца
Что неволюшка солдатская
Грозна служба Государева“.

Эпиграф первый к главе V „Капитанской дочки“: „Ах, ты, девка, девка красная“ и т. д. находиг себе совершенно точное соответствие в песне, начинающейся словами „Ах ты, Волга, Волга матушка“, напечатанной у Новикова и Чулкова, ч. I, № 176, и у Прача (1790 г.), № 15, в отделе песен протяжных, стр. 29, а также, согласно указанию академика Соболевского, в книге „Весельчак на досуге“, 1797 г., ч. I, стр. 213, Печатаем соответственные 6 конечных стихов по песенникам Новикова—Чулкова:

Ч. I, № 176: „ Ах ты девка, девка красная,
Не ходи девка молода замуж,
Ты спроси девка отца, матери,
Отца, матери, роду племени,
Накопи девка ума, разума,
Ума, разума, приданова“.

Эпиграф второй к главе V находит точное соответствие в песне, начинающейся словами „Вещевало мое сердце, вещевало“, напечатанной у Новикова и Чулкова ч. I, № 153:

Ч. I, № 153: „Буде лучше меня найдешь позабудешь,
Если хуже меня найдешь вспомянешь“.

Остальные пять вариантов этого двоестрочия, напечатанные у Новикова и Чулкова, ч. I № 190, № 192, ч. II № 188, ч. III № 100, ч. IV № 107, и у Прача № 32 песен протяжных, стр. 63 (Новиков—Чулков, ч. II № 188), к Пушкинскому тексту не подходят.

Двустрочный эпиграф к главе VI находит себе точное соответствие в зачине песни о взятии Грозным Казани, напечатанной Новиковым и Чулковым в ч. I, № 125:

Ч. I, № 125. „Вы молодье робята послушайте,
Что мы стары старики будем сказывать“.

Только у Пушкина „ребята“, а не „робята“.

Длинный эпиграф к главе VII взят Пушкиным из начала песни о всенародной казни Князя-Боярина в Москве у Чулкова и Новикова, ч. II, № 130.

Приводим параллельно (разница—разрядкой):

Голова моя головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года

Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И не рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладнику клеповую,
Еще петельку шелковую.

„Голова-ль ты моя головушка,
Голова моя послуживая,
Послужила моя головушка:
Ровно тридцать лет и три года,
Со добра коня не слезаючи,
Из стремян ног невнимаючи.
Ах! не выслужила головушка,
Ни корости себе, ни радости,
Как ни слова себе доброва,
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два столбика высокие,
Перекладнику клеповую,
Еще петельку шелковую“.

Песня „Не шуми, мати зеленая дубровушка“ (в VIII главе „Капитанской дочки“) напечатана у Новикова и Чулкова ч. I, № 131, совершенно тождественно, лишь: 3 ст. Пушкин—„во допрос ийти“, Чулков „в допрос йти“, Нов. — „в допрос итти“; 14 ст. Пушкин — „третий-то товарищ“, Чулков „третнет товарищ“, Нов. — „третий та товарищ“.

В результате наших поисков выяснилось, что для „Капитанской дочки“ Пушкин пользовался несомненно песенником Прача (1790 г.), так как песня „Капитанская дочь, не ходи гулять в полночь“ справедливо отмечена Соболевским лишь у Прача, в песенниках Чулкова и Новикова ее нет.

Большинство остальных народно-песенных цитаций в „Капитанской дочке“ сделаны Пушкиным по песеннику Чулкова (1770—1774 г.) или Новикова (1780 г.), подбор которых, в первых четырех частях, почти вполне один и тот же. Нет сомнения, что именно из того или другого песенника взят второй эпиграф к главе V („Буде лучше меня найдешь“...), так как в других песенниках текст здесь иной. Но все же надо думать, что Пушкин скорее пользовался Новиковским песенником, чем Чулковским (у Чулкова песенки Гринева нет, а есть она у Новикова; у Чулкова, например, „а как третнет товарищ“, у Новикова и у Пушкина — „а как третий-та (то) товарищ“...). Полагаем, что именно у Новикова Пушкин заимствовал цитаты и из исторических песен (эпиграфы к VI гл. „Вы, молодые ребята“..., к VII гл. „Голова моя головушка“...), так как они едва ли другими сборниками перепечатывались. Точнее сказать не можем, так как академик Соболевский, к сожалению, исторических сюжетов не включал в свое издание „Великорусских народных песен“. Конечно, первый эпиграф к V главе „Капитанской дочки“ („Ах, ты, девка, девка красная“...) Пушкин мог взять не только у Новикова, но и у Прача, раз он именно Прача цитировал для песенки Швабрина. Песенников 1791, 1797, 1810, 1819 гг., совпадающих с цитатами Пушкина всего по одному разу, к учету, по-моему, привлекать не стоит, так как

собранием Чулкова — Новикова, с дополнением Праща, покрываются все цитаты Пушкина, заимствованные из песенников.

„Капитанская дочка“ кончается следующими словами „издателя“— „Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, присклав к каждой главе приличный эпиграф, и дозволив себе переменить некоторые собственные имена Изда-тель. 19 Окт. 1836“.

Пушкин очень любил эпиграфы и удачности их выбора придавал большое значение Эпиграфы мы постоянно встречаем не только над художественными произведениями Пушкина; они входят у него в композицию писем, литературных заметок и т. п. Например. Письмо к жене 21 июня 1834 г. „Ваше благородие, всегда понапрасну лаяться изволите“ (Недоросль). Помилуй, за что, в самом деле, ты меня бранишь“ и т. д. На рукописи Повестей Белкина 1830 г. приписка: „Письмо от Natalie“ и сбоку: „А вот то и будет, что ничего не будет. Пословица“. Одна из Критических заметок Пушкина начинается изречением: „Сам съешь“, за которым идет его толкование и полемическое применение к писателям „Литературной газеты“. По рукописям Повестей Белкина и Арапа Петра Великого видно, как тщательно подбирал Пушкин свои эпиграфы, как затем заботился о воспроизведении их в печати. С Одоевским он обсуждал эпиграфы даже чужих статей и брал у авторов их произведения для приискания эпиграфов к главам.

Манера и искусство эпиграфирования в основе принадлежит писателям Западной Европы Искусство это особенно поражает в произведениях Вальтер Скотта. Поставленные над каждой главой его романов короткие цитаты из других писателей или из народных баллад остроумно и точно соответствуют содержанию глав, их настроению, разумеют сущность повествования, предупреждая читателя и настраивая его к восприятию. Любопытно то обстоятельство, что в эпиграфах В Скотта цитируется вне связи с общим текстом цитируемого произведения, что цитируемое только в данном извлечении приобретает особую силу и что повтому чтение всего отцитированного произведения ничего бы не могло дополнить к этой силе, а даже разочаровало бы. Одним словом, эпиграф-цитата В. Скотта собственно не цитата, а создание самого В. Скотта. То же наблюдаем у Пушкина и тем большее право имеем сопоставлять его „Капитанскую дочку“ в этом отношении с романами В Скотта, что уже всеми установлено влияние этих романов на фабулу „Капитанской дочки“.

Эпиграфы „Капитанской дочки“ взяты не только из народной словесности. В некоторых главах Пушкиным выдвинуты вперед мотивы, характерные для дворянской среды XVIII века в разных стилях ее выражения, именно—мотивы столичной военщины и формалистики, военный и обывательский провинциализм, куртуазная сантиментальность, пиитиче-

ский пафос, и потому эти главы освещены соответствующими эпиграфными цитатами из стихов дворянских писателей второй половины XVIII века, с ярко выраженным стилем эпохи. Но все-же основным источником освещения через эпиграф служит именно народная словесность. Это заметно, начиная с эпиграфа ко всей повести: „Береги честь смолоду“. Правда, пословица здесь как бы одворянена, вследствие пропуска первой ее части („береги платье снову“), но об этом скажем ниже. Важно то, что самые задушевные главы дворянского житья-бытья наделены именно цитатами из крестьянских песен. Вот, это смешение двух стихий—дворянской и крестьянской, одворянение старинного крестьянского афоризма и окрестянение дворянского уклада очень характерно для Пушкина, который охарактеризовал помещичий быт, где так тесно сплелись обе стихии, известным каламбуром над II главой Евгения Онегина: „O rus. Nog. O Русь!“